

Тема «плодовитой праздности» писателя действительно звучит в муравьевской семейной переписке уже в 1770-е гг.,²³ но думается, что здесь стерновское выражение употребляется, чтобы обозначить невинное, хотя и достаточно новое понятие «турист». 16 апреля 1797 г. Муравьев писал отцу из Москвы, куда он ездил на коронацию царя Павла I в пустой надежде получить награду за долгие годы службы: «Я живу здесь в совершенной праздности и так, как ездят в Лондон и Париж праздные путешественники веселиться и проживаться».²⁴

Идея путешествия как «туризма» придает новое звучание той диалектике города и деревни, которая играет такую важную роль во всей муравьевской прозе. Как видно из начала второго письма, здесь деревня является только приятным местом отдыха, после которого и праздному путешественнику придется вернуться к трудовой жизни города.

В беловом варианте первого письма спокойные занятия туристов XVIII века демонстративно противопоставляются фантастическим приключениям Дон Кихота. В этих словах находит отражение недавнее муравьевское увлечение испанским языком и героем Сервантеса:²⁵ «Ежели Вам угодно знать обстоятельства путешествия нашего до сего места, то я могу Вам только то сказать, что приключения наши были столько же просты и обыкновенны, сколько для нас вообще приятны. Вы не можете ожидать от нас славных подвигов Дон Кихота. Мы не встречались ни со странствующими кавалерами, ни с волшебниками и не сражались с ветряными мельницами. Инде завтрак под открытым небом, на берегу чистого источника; в другом месте хороший обед у какого-нибудь уездного дворянина из наших приятелей, гулянье пешком, где нам понравится приятный лужок или роща».²⁶

Как видно, по сравнению с текстами, к которым обращалась И. Ю. Фоменко, письма из архива в. к. Елизаветы Алексеевны более полны и обработаны. В конечной части второго письма те элементы, которые в черновике были только названы, развиваются в целую картину, правда, недостаточно индивидуализированную: «Как я рад был, что у нас ось переломилась на самой высокой горе и принудила нас остановиться в близлежащей деревушке, куда искали кузнеца

²³ Ср. письмо от 23 октября 1778 г.: «Вместо того чтобы письма мои из Петербурга становились час от часу полнее и достойнее внимания, пустеют они приметно. Самый слог мой заимствует от недвижности жизни моей. Сия недвижимость одушевляла столько счастливых ленивцев, Горациев и Анакреонов. А меня погружает она в полное бездействие. Тех мудрая леность превосходит многодельность такого множества бесславных имен, которые ценою беспокойствия целой жизни не могли исхитить себя от безызначности. Вот разность: сии ленивцы были духи особых дарований и не всяк уподобляется им со стороны разума, кто превосходит их по лености» (ОПИ ГИМ, ф. 445, ед. хр. 51, л. 18).

²⁴ ГАРФ, ф. 1153, Муравьевы, оп. 1 разд. I, ед. хр. 1, л. 57 об., (курсив мой. — Л. Р.).

²⁵ Ср.: Багно В. Е. Сервантесовские чтения: Хроника // Рус. литература. 1983. № 4. С. 225—227 (Фоменко И. Ю. М. Н. Муравьев — читатель Дон Кихота).

²⁶ ГАРФ, ф. 728, оп. 1, ед. хр. 1366, л. 35—35 об.